Библиотека проекта Бориса Акунина
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ

С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И54

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Библиотека проекта Бориса Акунина «История Российского государства» издается с 2014 года

Разработка макета переплета — *Андрей Ферез*

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентством Shutterstock и свободными источниками

И54 **Император Всероссийский** / С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 368. с.: ил. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-106590-4

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны от самых ее истоков.

О сложной и противоречивой личности императора Петра Первого — одного из наиболее выдающихся государственных деятелей, определившего направление развития России в XVIII веке, о его реформах, благодаря которым Россия стала великой державой, и их значении для страны, рассказывают русские историки С.М. Соловьев и С.Ф. Платонов.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© B. Akunin, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Сергей Михайлович Соловьев

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Избранные главы

Падение Софии. Деятельность царя Петра до первого Азовского похода

Значение Петра и совершенного им переворота. — Воспитание Петра. — Учителя-иностранцы. — Строение судов. — Женитьба Петра. — Столкновение с правительницею. — Намерение Софьи венчаться на царство. — Вражда Софьи к царице Наталье Кирилловне. — В.В. Голицын и Шакловитый. — Напрасное старание поднять стрельцов. — Неудовольствия со стороны Петра. — Сбор стрельцов в Кремле 7 августа. — Бегство Петра в Троицкий монастырь. — Напрасные попытки Софьи примириться с братом. Стрельцы принуждают ее выдать Шакловитого. — Розыск Шакловитого; ссылка Голицыных. Распря между близкими к Петру людьми по поводу Голицыных. — Казнь Шакловитого с товарищами. — Новые доносы на князя В.В. Голицына и отягчение его участи. — Розыск и казнь Медведева. — Отстранение Софьи от правительства и заключение ее в монастырь. — Продолжение доносов. — Новое правительство. — Ссора князя Бориса Голицына с Долгорукими. — Лефорт. — Царские потехи. — Компания. — Состояние общества. — Дела малороссийские. — Положение русских людей в польских областях. — Мазепа и Палей. — Дела об откупе.

«В одном государстве царственный ребенок, вследствие семейной вражды и гонения от родственников, подвергался страшным опасностям, спасся чудесным образом, воспитывался в уединении, среди низких людей, набрал себе из среды этих людей новую храбрую дружину, одолел с нею противников и стал основателем нового общества, нового могущественного государства, проводил всю свою жизнь в борьбе и оставил по себе двойную память: одни благословляли его, другие проклинали».

О ком это идет речь? Что это хотят нам повторять старую сказку о Кире и Ромуле: кто ей теперь верит?

Сказывается не сказка, не о Кире и Ромуле идет речь, приводятся неоспоримые известия о русском царе Петре Алексеевиче, который жил в конце XVII и начале XVIII века; пора оставить толки о сказках, о мифах и подмечать общие законы исторических явлений.

Мы видели, что во второй половине XVII века русский народ явственно тронулся на новый путь; после многовекового движения на восток он начал поворачивать на запад, поворот, который должен был необходимо вести к страшному перевороту, болезненному перелому в жизни народной, в суще-

Готфрид Кнеллер. Первый портрет молодого русского царя, написанный с натуры 9 сентября 1697 года во время пребывания Петра I в Утрехте, где он находился вместе с английским королем Вильгельмом III

стве народа, ибо здесь было сближение с народами цивилизованными, у которых надобно было учиться, которым надобно было подражать. Вопрос о том, могло ли сближение с европейскими народами и восприятие их цивилизации совершиться в России спокойно, постепенно, без увлечений, решается легко при внимательном наблюдении общих законов исторических явлений. Когда мы говорим о просвещении, о цивилизации, то разумеем громадную силу, которая бесконечно поднимает народ, ею обладающий, над народом, у которого ее нет: как же теперь с понятием о слабости соединить понятие силы?

Как предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизации давней и крепкой, должны быть достоянием народа нецивилизованного? С другой стороны, в жизни народов мы замечаем известные периоды, в которые они проводят известное начало, живут им, подчиняются ему вполне; наступает другое время, на очереди становится новое начало, и народ предается ему; новое начало начинает господствовать на счет старого, обнаруживается обыкновенно сильная вражда к последнему, отрицание того, что было при его господстве, дурные отзывы о времени этого господства: народы в этом отношении не любят, не могут работать двум господам, если одного возлюбят, другого непременно возненавидят. Здесь возможна только злая борьба между двумя началами, старым и новым, борьба, необходимо раздражающая, ведущая к увлечению, к крайностям.

Можно ли себе представить, чтоб молодой, исполненный жизненных сил народ, сблизившись с другими, превосходящими его народами, понявши чрез сравнение недостатки своего быта, не бросился вдруг на все то, что казалось ему лучшим у других? Да и можно ли было медлить, когда несостоятельность во всем, несостоятельность материальная и нравственная, была так явна? Когда нельзя было начать ни одного дела, не начавши вместе с тем и многих других, этому делу способствующих, для него необходимых?

Западные европейские народы в описываемое время относительно цивилизации своей стояли высоко над русским, который должен был идти к ним в ученье; но для этих самых западных народов не прошло еще тогда время рабства чужому, нерадения о своем, презрения к нему; ослепленные блеском античной цивилизации, с неодолимою силою потянулись они к ней, доходя иногда вначале до диких увлечений, отдались в науку грекам, римлянам, даже италиянцам, прежде других познакомившимся с греками и римлянами; свое было в опале, к своему относились как к варварскому, значения, величия своей истории в сравнении с историею греков и римлян не понимали. Очередь поработать чуждому началу дошла и до русского народа, дошла по известным условиям позднее, чем до других, и в этом огромная невыгода, но причины этой невыгоды лежали в условиях хода всей предшествовавшей истории, в условиях, при которых явился наш народ, основалось наше государство.

Долговременное пребывание в удалении от Западной Европы и ее цивилизации, крайность, исключительность одного направления необходимо условливали крайность противоположного направления, необходимость удовлетворить вдруг всему должна была неминуемо сообщить нашему так называемому преобразованию характер революционный. Наша революция начала XVIII века уяснится чрез сравнение ее с политическою революциею, последовавшею во Франции в конце этого века. Как здесь, так и там болезни накоплялись вследствие застоя, односторонности, исключительности одного известного направления; новые начала не были переработаны народом на практической почве; необходимость их чувствовалась всеми, но перерабатались они теоретически в головах передовых людей, и вдруг приступлено было к преобразованиям; разумеется, следствием было страшное потрясение: во Франции слабое правительство не устояло, и произошли известные печальные явления, которые до сих пор отзываются в стране; в России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства.

Французские историки считают себя вправе плакаться на такой ход дела у себя и с завистью посматривают на соседний остров, где фундамент здания складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавший ход французской истории, которого революция была необходимым следствием; что не было сделано исподволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится делать потом вдруг, с болезненными напряжениями, которые мы называем революциями. И мы имеем право плакаться на нашу революцию, но опять с обязанностью плакаться также на всю предшествовавшую историю, которая привела к той революции, ибо условия здоровья не производят болезни.

Если таков общий закон, если наша революция в начале XVIII века была необходимым следствием всей предшествовавшей нашей истории, то из этого вполне уясняется значение главного деятеля в перевороте, Петра Великого: он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великий человек есть всегда и везде представитель своего народа, удовлетворяющий своею деятельностью известным потребностям народа в известное время. Формы деятельности великого человека условлены историей, бытом народа, среди которого он действует. Чингисхан и Александр Македонский — оба завоеватели, но какая разница между ними!

Эта разница происходит от различия народов, которых они были представителями. Деятельность великого человека есть всегда результат всей предшествовавшей истории народа; великий человек не насилует свой народ, не создает того, что непотребно и невозможно для народа. При настоящих успехах исторической науки великий человек теряет свое божественное зна-

чение, не является существом, разрушающим и создающим по своему произволу: но он получает великое значение как представитель народа в известное время, как произведение и поверка народной жизни, народной истории. Великий человек не утрачивает своего значения; народ не низводится до степени стада, бессознательно идущего туда, куда его гонит чуждая воля.

Но переворот сопровождался страшною борьбой, преобразователь встретил сильное сопротивление в народе, следовательно, дело преобразования было делом насилия со стороны верховной власти. Иностранцы не без некоторого, понятного, впрочем, удовольствия повторяли и повторяют, что Петр насильно и преждевременно цивилизовал русских, что и не могло по-

Луи Каравак. Портрет Петра Первого. 1722 г.

вести и даже никогда не поведет ни к какому толку. Вооружаются вообще против преобразований, идущих сверху. Мы не знаем будущего и потому не станем говорить о нем; не будем преждевременно говорить того, что должны будем сказать впоследствии, проследив судьбы дел Петровых по его смерти. Но для устранения бесплодных толков опять обратимся к сравнениям из прошедшего.

В настоящее время ни один из европейских писателей, верующий ли он или неверующий, не станет отрицать цивилизующего значения христианства; каждый европеец гордится тем, что христианство пустило глубокие корни преимущественно в Европе, что доказывает высшее развитие, большую зрелость племен, населяющих эту часть света. Но пусть же припомнят историю принятия христианства европейскими народами, пусть припомнят, что обыкновенно дело шло сверху, принимали христианство князь и дружина его, ближние люди, и потом уже новая вера распространялась в массе, причем не обходилось без ожесточенной борьбы, без страшного сопротивления со стороны народа, отстаивавшего свою старину, веру отцовскую; да и после принятия крещения масса в продолжение веков оставалась двухверной, не могла забыть старых богов своих. Что же из этого следует? То, что европейские народы были обращены в христианство насильно своими правительствами!

Еще пример ближайший: в Англии король Генрих VIII вздумал отложиться от римской церкви; но известно, какое сильное сопротивление встретил он своему делу, какие сильные восстания вельмож и народа должен был он побороть: значит, английский народ был насильственно отторгнут от папы и реформа, которою так гордятся англичане, была личным делом Генриха VIII. В Риме будут очень довольны таким мнением.

Петр был представителем, вождем своего народа в деле народном: отсюда обязанность историка при описании великого переворота не отрывать главного деятеля, вождя, от народа, от общества, с самого начала следить, как образовывалось его существо под влиянием условий, приготовленных историей народа, ибо явления, по-видимому, самые случайные, имевшие влияние на характер исторического деятеля, окрашиваются цветами, господствующими в обществе, и чрез это-то окрашивание общество и проводит свое влияние на исторического деятеля.

Мы видели, как вследствие известных условий русское общество к концу XVII века выработало мало своих сил, сдерживающих личную силу, которой было так много простору. Вот почему девственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякого рода, для людей, которым, по выражению песни, было грузно от сил, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержу. Богатырский, геройский период прекращается в народе вместе с цивилизацией, с развитием обще-

ственных сил; цивилизованное, развитое общество сжимает личную силу, вгоняет ее в известные пределы, ограничивает специализированием занятий: отсюда понятно, что в обществе цивилизованном сильные люди являются не в таких богатырских размерах, как в обществах юных. Мы очень хорошо знаем, как упражнение развивает всякого рода силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнее наших, ибо имели более простору упражнять свои силы во всех направлениях.

В России более, чем в каком-нибудь другом европейско-христианском государстве, общество, вследствие своей истории, предоставило простора для деятельности верховной власти, и потому неудивительно, что в России XVIII века мы встречаем двоих государей с неимоверною деятельностью — Петра Первого и Екатерину Вторую. Общество юное, неразвитое не допускает разделения занятий: отсюда сильному человеку возможность и необходимость браться за все, упражнять свои силы в многоразличных родах занятий; отсюда многообразная деятельность Петра; вследствие тех же общественных

Поединок богатыря Ильи Муромца с Соловьем-разбойником
(аллюзия на Петра I и Карла XII). Ксилография. Первая половина XVIII века

условий увидим впоследствии на другом поприще многообразную деятельность Ломоносова.

Петр со своими сподвижниками заканчивает, собственно говоря, древний, богатырский отдел русской истории. Это последний и величайший из богатырей; только христианство и близость к нашему времени избавили нас (и то не совсем) от культа этому полубогу и от мифических представлений о подвигах этого Геркулеса.

Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, как юная земля в допотопное время производила громадные существа, скелеты которых приводят в изумление наш мелкий род. Но становится страшно: куда будут направлены эти силы при таком отсутствии умеряющих, образовательных начал? Какие нравственные пеленки приготовило общество для Петра, как оно воспитает, образует исполина?

Мы видели неудовлетворительность нравственного состояния древнего русского общества; но видели также, что движение, начавшееся в обществе во второй половине XVII века, и борьба, вследствие того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояние. Как ни печально бывает нравственное состояние в известном обществе, но если последнее живет, не рушится, значит, существуют известные нравственные сдержки и связи, которые не дают ему окончательно распасться. Но если это общество двинется, взволнуется в сильном перевороте, то старые связи необходимо ослабевают, иногда совершенно рушатся, и общество подвергается сильному нравственному колебанию, шаткости, смуте, пока нравственные связи снова окрепнут или заменятся новыми. Поэтому справедливо говорят, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII века, был неоспоримым авторитет отцов духовных; теперь, с одной стороны, раскольники, с другой — новые учители, православные и неправославные, подкапывают этот авторитет; архиереи, священники оказываются несостоятельными как учители; молодое поколение и вождь его воспитываются в убеждении, что этих учителей нечего слушать, говорят они бог знает что, потому что невежды, учителей этих прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственные сдержки в родовом быте; член рода чтил своего старшего, находился под его надзором и властью, которая, как знаем, была очень обширна и при случае давала себя тяжело чувствовать ослушнику; член рода уважал мнение рода, боялся своим поведением нанесть бесчестие ему. Теперь и родовая связь ослабела, а других сдержек на ее место общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло известные материальные сдержки в помощь нравственным: так, люди знатные и достаточные держали своих жен и дочерей взаперти, в теремах. Теперь это затворничество начало прекра-

щаться. Но как никакая тюрьма не воспитывает, не приготовляет для свободы, не развивает и не укрепляет сил, так и терем не воспитал русской женщины для ее нового положения, не укрепил ее нравственных сил, а с другой стороны, общество не приготовилось еще к ее принятию, не могло представить ей чисто нравственных сдержек, как не представляло их и для мужчины. Пример исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе, представляет богатырь-царевна Софья Алексеевна.

Как же воспитывался богатырь-царевич Петр в расшатавшемся обществе?

М.П. Клодт. В тереме

Трех лет остался Петр по смерти отца и с восшествием на престол старшего брата подвергся удалению, гонению вместе с матерью и ее родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствует правильности развития, не ускоряет его в ребенке; напротив, печальная доля в младенчестве, гонения, бури способствуют раннему развитию в детях способных. Перед глазами постоянно печальная мать, толкующая с ближними людьми о своей невзгоде, ссылке братьев, благодетеля Матвеева: ребенок пламенный, восприимчивый, питается, раздражается семейною враждою; то, что другие дети узнают только из нянькиных сказок, как злые родственники гонят невинных детей, как последние или гибнут, или торжествуют, то маленький Петр испытывает в действительности, он уже герой драмы, действующее лицо, он ненавидит гонителей настоящею, действительною ненавистью, и сочувствие его к героям посильнее, чем у других детей к их сказочным героям, ибо эти герои он сам, его мать, дядья. Царевича начали учить грамоте, призвали по обычаю дьяка, умевшего хорошо читать и писать. Дьяк был Никита Моисеев сын Зотов, знаменитый впоследствии пресбургский патриарх.

Петру оканчивался десятый год, когда умер царь Феодор. Петра выбирают в цари; но этот выбор ведет к стрелецкому бунту. До сих пор удаление, гонение раздражали ребенка; теперь страшные, кровавые сцены перед глазами, мучительная смерть родных, отчаяние матери, власть похищается, переходит в руки прежних гонителей. После приближенные к Петру люди рассказывали иностранцам, что во время стрелецкого бунта маленький Петр сохранил удивительное спокойствие, нисколько не изменился в лице, и указывали на это как на признак будущего величия. Но как бы ни держал себя Петр во время стрелецкого бунта, кровавые сцены не могли остаться без влияния, и чувства, возбужденные ими, должны были действовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаление и гонение, опять перед глазами вечно печальная мать и вечные жалобы, вечные толки о том, что власть похищена и делается бог знает что в государстве. Грустно и скучно! Страшно скучно для ребенка, которому уже «начинает быть грузно от силушки, как от тяжелого бремени». Ученье кончилось с уходом Зотова; у старших братьев Петра после дьяка, выучившего грамоте, был другой учитель, Симеон Полоцкий; Петру не дали такого учителя. Что же делать огненному мальчику, который, когда и вырос, не умел ходить, а только бегать? Оставалось одно занятие — «ходить по улице широкой, с ребятами тешиться», как говорила старинная песня. И Петр выбегает из дворца на улицу, чтоб больше уже не возвращаться во дворец с тем значением, с каким сидели там его предки.

В потехах с ребятами на улице, в воинских играх новый Ромул кличет клич по новую дружину, и дружина собирается, удалые потешные конюхи, будущие образцовые полки. Молодой богатырь расправляет свои силы. В то

время, когда Россия повернула на новый путь, как нарочно грусть и скука выгоняют молодого царя из дворца на улицу, в новую сферу, где он окружен новыми людьми, где он вождь новой дружины, разорвавшей с прежним бытом, с прежними отношениями. Без оглядки бежит он из скучного дворца, чистым и свежим, новым человеком и потому способным окружить себя новыми людьми; он убежал от царедворцев и ищет товарищей, берет всякого, кто покажется ему годным для его дела.

Образуется новое общество, новое государство и, как обыкновенно бывало при этом, является дружина со своим вождем, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхождению (rex ex nobilitate) стано-

П.В. Басин. Петр I мальчиком в окружении бояр